

Принцесса Сяньнин, глядя на то, как Сун Чжи бесцельно оглядывается по сторонам, словно никогда прежде не видела ничего подобного, почувствовала некоторое смущение и слегка потянула её за рукав. Сун Чжи, бормоча про себя, что Сун Сюй — лицемерный подлец, от этого рывка вздрогнула и обернулась к принцессе. Та смотрела на неё с лёгкой ухмылкой, словно поймав за каким-то недостойным занятием. Сун Чжи покраснела, отвела блуждающий взгляд и покорно побрела следом за принцессой Сяньнин.

Через некоторое время, когда они уже приблизились к дверям, она подалась к самому уху принцессы и тихонько сказала:

— Ваше Высочество, мне кажется, что мой дядя выглядит не очень счастливым.

Она считала, что говорит очень тихо, но шедший впереди Сун Сюй услышал её, и его лицо стало ещё мрачнее. Принцесса Сяньнин это заметила, однако хранила каменное лицо, хотя в глубине глаз её плясала усмешка.

Все трое вошли в покои, где лежал больной Сун Цянь. В комнате стоял густой запах лекарств, такой крепкий, что его тошнотворной волной ударило в нос. Сун Сюй первым подошёл к Сун Цяню и заговорил с ним, а Сун Чжи преградила путь принцессе и с полным серьёзом в глазах произнесла:

— Ваше Высочество, здесь слишком тяжёлый запах лекарств, не лучше ли вам подождать снаружи?

Принцесса Сяньнин не знала, смеяться ей или плакать, похлопала её по плечу, давая понять, что нужно отступить, и понизив голос, произнесла:

— Разве я настолько слаба? Люди снаружи смотрят, и в такой ситуации я, наоборот, обязана навестить больного.

Она взглянула на неё выразительно, и Сун Чжи, смутившись, попятилась, пробормотав что-то невнятное:

— Я не боялась, что вам будет дурно, я боялась, что отец будет страдать от беспокойства.

Сун Цянь, пролежав в беспомощности три дня, только что очнулся и выглядел значительно постаревшим — в его чёрных волосах теперь прорезалась седина. Когда Сун Сюй сообщил, что принцесса приехала навестить его, мутные глаза старика дрогнули, дрожащими жестами он подозвал сына к себе и велел помочь подняться. Сун Сюй приподнял его, подложил сзади подушки, и только тогда Сун Цянь смог перевести дух, после чего судорожно закашлялся, словно в горле у него застрял сгусток мокроты.

Принцесса Сяньнин подошла к ложу и, глядя на заметно постаревшего Сун Цяня, сидящего в постели, почувствовала странное недоумение. Сун Цянь хотел было подняться для приветствия, но она это запретила, и после этого повисла неловкая тишина.

Тут смекалка не изменила Сун Чжи. Она бросила значительный взгляд на Сун Цяня и тайком, под рукавом, указала на Сун Сюя. Сун Цянь, наконец поняв, попросил Сун Сюя пойти и принести написанные ранее докладные записки. Сун Сюй, поняв намёк, кивнул и удалился, оставив в комнате лишь Сун Цяня, Сун Чжи и принцессу.

Лишь тогда принцесса Сяньнин нарушила молчание, и на её лице проступило что-то неуловимо серьёзное:

— Маркиз Сун знает?

Она спрашивала о том, знает ли Сун Сюй, что Сун Чжи выдала себя за Фума и заменила брата на брачном ложе.

Сун Цянь тяжело вздохнул и покачал головой:

— Данное дело слишком велико, и старый слуга не осмелился выдать тайну. Теперь в этом мире, кроме Вашего Высочества, истинную личность Чжи знает лишь старый слуга.

Он не упомянул ту служанку, которую принцесса привела в тот день, будучи уверенным, что принцесса уже всё расчистила и лишних вопросов не задаст.

Принцесса Сяньнин нахмурилась, погрузившись на мгновение в раздумья, а затем внезапно улыбнулась:

— Господин Сыту, настоящий герой, способный отрубить себе руку, чтобы спастись. Поистине, жестокое сердце. Я видела те трупы и несколько дней не могла найти ни сна, ни аппетита. Но что ещё удивительнее — вы пошли даже на себя и на своего племянника. Это вызывает восхищение.

Услышав это, Сун Цянь замолчал. Он поднял глаза на принцессу, и в его взгляде читалась тяжёлая решимость:

— Огонь, действительно, поджёг старый слуга.

Он прищурился, и в его взгляде вспыхнул холодный блеск.

— Я одурманил всех людей, а затем поджёг восточный склад, рассчитывая сбежать, когда пламя разгорится. Но затем кто-то другой поджёг задний двор и библиотеку, да ещё и забаррикадировал двери. Когда я пытался бежать, ворота не поддавались, и в конце концов на меня упала горящая балка, перебив ногу. Когда же меня спасли, то о Мэн Сюэ было ничего не известно — жив он или мёртв.

Лицо его исказила гримаса ярости, и даже Сун Чжи, слушавшая их разговор, почувствовала страх. Принцесса Сяньнин, видя, что он говорит правду, наморщила брови и с тяжёлым выражением в голосе произнесла:

— Стало быть, это настоящее убийство?

— Когда старый слуга очнулся, он узнал, что погибло столько народу. В поджоге старый слуга тоже виновен, и Маркиз Лянсян считает, что это дело не подлежит огласке, можно лишь вести тайное расследование, иначе можно наделать таких дел, что станет ещё хуже. Старый слуга тоже так подумал, потому сегодня и попросил Маркиза Лянсяна пойти на аудиенцию, чтобы остановить Его Величество от полного расследования.

Сун Цянь тяжело выдохнул, лицо его выразило стыд.

— Но глядя на него, боюсь, не смог он остановить. Эх...

Принцесса Сяньнин и Сун Чжи переглянулись, не выдав эмоций. Принцесса слегка улыбнулась и стала утешать Сун Цяня:

— Господин Сыту, о плохом не думайте, лучше отдохните как следует. Вы много лет верно

служили Его Величеству, и он всё это понимает, не станет он подозревать вас в чём-то дурном.

Она резко сменила тему:

— Не помните ли вы, господин Сыту, человека по имени Чжан Шуцюэ?

Сун Цянь с растерянным видом подумал, потом покачал головой:

— Не припомню. А что-то случилось?

— Он человек из Ведомства Тинвэй, и весьма вероятно, что Его Величество поручит это дело именно им. Я слышала, что Чжан Шуцюэ в своё время учился у вас, так что считается вашим учеником и вассалом.

У Сун Чжи дёрнулось веко. На поверхности принцесса словно намекала, что Чжан Хэ — человек Сун Цяня, и что он может подсказать, что стоит, а что не стоит проверять. Но более глубокий смысл был таков: Сын Неба доверяет Сун Цяню, и передача дела в Ведомство Тинвэй означает желание замять дело, оказав ему уважение. Однако Сун Чжи услышала в этом и другой оттенок — принцесса Сяньнин, похоже, не слишком-то верит словам Сун Цяня, и упоминание Чжан Хэ также содержало в себе неудовольствие тем, что Сун Цянь что-то утаил.

Сун Цянь опустил свои дряблые веки, на мгновение задумался и произнёс:

— Старому слуге и впрямь следует отдохнуть как следует.

Он протянул слова.

— Воспользовавшись этим случаем, старый слуга подаст прошение об отставке.

— Об отставке поговорим, когда дела с пожаром утихнут, — принцесса Сяньнин не поддалась на его уловку, пресекая попытку отступить. — А тот мужской труп в усадьбе — это Сун Фан?

— Какой мужской труп? — Сун Цянь поднял голову, недоумевая. — Старый слуга не понимает, что имеет в виду Ваше Высочество.

Принцесса Сяньнин начала приходить в раздражение, и Сун Чжи поспешила напомнить:

— На заднем дворе был закопан мужской труп, изуродованный до неузнаваемости. Разве это не второй брат?

Лицо Сун Цяня мгновенно изменилось, он вспыхнул гневом и закричал:

— Тело твоего второго брата я уже давно подготовил к погребению! Как я мог быть так глуп, чтобы закопать его на заднем дворе? Хотя Гункуань и был недостойным сыном, но он уже упокоился с миром. Даже тигр, зверь свирепый, не ест своего детёныша, неужели я опозорю его прах и изуродую лицо, чтобы он не мог найти покоя в смерти?!

Услышав, что это не Сун Фан, принцесса Сяньнин сменила гнев на удивление, а затем погрузилась в задумчивость. Сун Цянь, многие годы занимавший пост Сыту, обладал тяжёлой чиновничьей аурой, и его гневный вид был поистине страшен. Сун Чжи испугалась, у неё подкосились ноги, и с грохотом она упала на колени, вся дрожа. Авторитет Сун Цяня над телом Сун Чжи был слишком велик, и страх перед ним вспыхнул в ней почти инстинктивно; звук коленей, ударившихся о пол, заставил сердце принцессы Сяньнин подпрыгнуть.

Сун Чжи судорожно вздохнула, чувствуя, что колени, наверное, уже посинели. Она с горестным видом опустила голову и с едва слышной дрожью в голосе произнесла:

— Ребенок наговорил лишнего, отец, прости меня!

Принцесса Сяньнин поднялась, холодно взглянула на Сун Цяня и с усмешкой сказала:

— Господин Сыту, как вы разошлись, аж испугали меня.

Она не посмотрела на Сун Чжи и продолжила:

— Господин Сыту лучше отдохните как следует, мы не станем вас больше беспокоить.

Лицо Сун Цяня окаменело, медленно сложил он руки в жесте почтения. Дождавшись, когда принцесса Сяньнин выйдет, он посмотрел на всё ещё стоящую на коленях Сун Чжи, нахмурился и нетерпеливо махнул рукой:

— Чего же не уходишь скорее!

Сун Чжи облегчённо вздохнула, поднялась и пятясь добралась до двери, лишь затем повернулась, чтобы выйти. Сун Цянь скрипнул зубами, с досадой хмыкнув, про себя назвав её дурой.

Выходя, Сун Чжи прихрамывала, а принцесса Сяньнин остановилась в паре шагов, ожидая её. Сун Чжи, только что получившая выговор, чувствовала себя неуверенно, но увидев, что принцесса ждёт, решила отбросить гнев Сун Цяня и поспешила к ней, глядя на принцессу жалким и обиженным взглядом.

Принцесса Сяньнин шла впереди, медленно, и Сун Чжи с трудом поспевала. Когда они вышли за ворота, Бай Лю помог им сесть в повозку. Делая шаг, Сун Чжи почувствовала боль в колене, споткнулась и кубарем влетела внутрь повозки. Принцесса среагировала мгновенно, подхватив её и усадив рядом с собой.

— Прошу прощения, Ваше Высочество, я не нарочно, — нервно извинилась Сун Чжи.

Принцесса Сяньнин с бесстрастным лицом приказала возвращаться во дворец. Затем, с видом человека, дающего важный совет, предостерегла Сун Чжи:

— Кем бы ты ни была раньше и какой ни была статус, теперь ты — мой Фума, и каждое твоё слово и каждый поступок представляют лицо императорской семьи. Только что господин Сыту устроил разгон, а ты затряслась от страха, до смерти перепуганная, при том что я сидела как раз рядом. Твое падение на колени превратило всё это в сцены, где отец отчитывает дочь, но ведь, в сущности, я — государь, а ты — Фума. Когда он позволил себе такое при мне — это не что иное, как оскорбление государя!